

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР. Гражданин без гражданства

Впервые я увидел этого человека на телевизионном экране в программе "Время", когда он - в прошлом ленинградский художник Игорь Иванович Синявин - рассказывал о своей жизни в Нью-Йорке...

Выступление его не осталось без внимания в среде творческой интеллигенции, вероятно, прежде всего потому, что Синявина в свое время знали как одного из крайне беспокойных представителей так называемой "второй", или "неофициальной", культуры.

Кто бы мог подумать, что спустя несколько месяцев мне доведется встречать И. И. Синявина на Московском вокзале в Ленинграде, куда он приехал на короткий срок, как турист, вместе со своим 16-летним сыном Игорем.

В период пребывания Синявина в Ленинграде я встречался с ним не однажды. Разговоры были длинные и, как мне показалось, откровенные. Кое-что из наших бесед, с разрешения И. И. Синявина, мы записали на пленку. Именно с этими материалами я и познакомлю вас сегодня.

* * *

В. К. Первое, что мне хочется понять: как вы оказались в США? Блокадные годы вы были здесь, в Ленинграде, и вдруг теперь в Нью-Йорке...

И. С. Ответить не так просто: человек, рожденный на русской земле, любящий ее... и оказался там. Непосредственным толчком, причиной выезда явилось то, что последние годы жизни я был целиком погружен в "неофициальную" культуру, если так можно сказать. Если это вообще культура... Я участвовал в выставочном движении модернистских художников. Ну, и чем дальше, тем глубже возникал конфликт со властью.

В. К. А на какой почве?

И. С. Конфликт возникал оттого, что я и другие, кто был рядом, ставили задачу снятия какого бы ни было контроля над идеологическим и культурным процессом, протекающим в государстве. То есть мы говорили: да здравствует полная и неограниченная свобода творчества!

В. К. А в чем было ваше главное несогласие, скажем, с существующим строем в СССР?

И. С. Конкретное столкновение началось в связи с движением неофициальных художников за выставочную деятельность: у нас будет доступ к публике, тогда многое решится... - считали мы.

В. К. То есть мы сами решаем, где выставлять, какие именно работы? И никаких выставочных комитетов - так?

И. С. Да... Да...

В. К. Вы до сих пор придерживаетесь такого мнения?

И. С. Нет. Я уже далек от такого взгляда на вещи, потому что увидел, к чему ведет эта тенденция. Я посмотрел в Нью-Йорке, например, выставку под таким девизом: "Свободное, подлинное творчество художников Советской России" - кажется, так она называлась. А смысл ее таков: "Вот, мол, наконец,

сюда, на свободу, вырвались художники, принесли подлинное, незапрограммированное русское искусство..."

И когда я посетил залы, заполненные этими произведениями - живописью, скульптурой, я понял, что отдавал свои силы на полный маразм, который вступает в конфликт просто с человеческим существованием... Такие художники становятся как бы пятой колонной американизма, разрушающей нашу Родину.

Это антигуманистические, антиморальные, антиэстетические предметы. Ну, например, плакаты... с матерщиной! Или - грубое изображение стола с какой-то деревянной тенью. Ну зачем это все? За этим якобы скрывается какое-то глубокомыслие. А на самом деле просто вызов всему и вся.

В. К. Мы были с вами на выставке во Дворце молодежи. Отголоски такого рода искусства вы увидели на этой выставке в отдельных произведениях?

И. С. Да. Конечно.

Россия - носитель классического искусства, традиций. И в то же время здесь есть тенденции к подражанию Западу, к унижению своего собственного национального достоинства. И хуже всего, когда это делают люди творчества. Слепо подражая Западу, они воздействуют и на других людей. А ведь у нас свои собственные корни, и мы берем самое лучшее из мирового классического искусства и из сегодняшнего западного искусства... Конечно, человека, который, скажем, повоевал, отдал свои силы Родине, не собьешь.

В. К. Некоторые воспринимают это иначе. Вот инцидент на выставке во Дворце молодежи: вы встретили своего приятеля-художника, с которым не говорили 10 лет, а совсем недавно он видел вас по Центральному телевидению в передаче, в которой демонстрировался документальный фильм "Русские здесь", сделанный в США, а после этого вы беседовали с одним из советских собкоров в Нью-Йорке. Вы высказывали свои взгляды. И его, видно, они покорили, потому что он смотрел сегодня на вас... как на предателя...

И. С. Да. На изменника, на предателя...

В. К. Так есть, наверное, есть необходимость объясниться с ним и с другими коллегами, кто потенциально может оказаться в вашем положении.

И. С. Сейчас я вернулся и посмотрел на художников, поэтов, прозаиков, которые вышли на поверхность из "подполья", в котором они сидели, в котором им казалось, что они могли бы увидеть мир, поразить его своим творчеством. Только единственная помеха на этом пути, как они считали, - это запрет властей. Уже там, на Западе, я многое переоценил, так что принципиально новых для себя открытий здесь, познакомясь с результатами их творчества, я не сделал...

Я, например, познакомился со сборником под названием "Круг" - это результат творчества поэтов и прозаиков, объединенных в "Клуб-81". И как раз здесь то, на что я положил... свою судьбу, потерял Родину... Смотрю сейчас результаты, и они далеко не вдохновляют. Ничего там нет великого, принципиального. Подчас даже весьма плачевное. Для меня это уже не интересно...

В. К. Может быть, вы повзрослели?

И. С. Нет. Я думаю, если бы этот "Круг" появился даже тогда, то он бы стал зеркалом - все увидели бы себя в истинном свете.

Деятели "Клуба-81" считали тогда, что они носители истины. Им-"не дают", но они готовы идти на полемику и столкновения со всеми. А теперь они в состоянии такой защитной реакции - пытался с ними говорить, они боятся открытого диалога. Подорваны жизнью их какие-то основные ценности, в которые они раньше верили, например: "Да здравствует абсолютная свобода слова!", "Советская власть - это все не то", "Запад - это носитель свободы, там красота, истина и порядок". А все оказалось не так. И сами они увидели, что ничего не могут сказать. Часть этих людей эмигрировала за границу и там бесконтрольно печаталась...

В. К. Кого вы имеете в виду?

И. С. Ну, например, уехал такой Кузьминский...

В. К. Это тот, который был в фильме - в халате?

И. С. Да. Он здесь составлял сборники. Никто не знал, что это за сборники. А там он стал печатать эти сборники неофициальной прозы. Он называл их подлинным свободным искусством. Я видел первый выпуск этой "эпопеи". Все это задворки от культуры.

В. К. Вот этот сборник произведений Кузьминского вы дали бы читать своему сыну?

И. С. Нет.

В. К. Почему?

И. С. Так же как я не дал бы ему журналы порнографии. Потому что это разрушительно для нравственного здоровья человека. Детей хочется кормить здоровой пищей, а не гнилой.

В. К. А как складываются судьбы у той группы людей, которая разделяла в ту пору ваши взгляды?

И. С. В основном она печальна. Кое-что они печатают там, но жить на эти средства они не могут. Круг их сужается... Никто их не гонит, но никому они и не нужны... Западная пресса будет превозносить всякого, кто идет против устоявшейся структуры, против советской власти... Не читая и не зная, будут говорить, что это гениальный поэт, что это великий музей, хотя и собрано там всего 10 картин, не представляющих особой ценности. Любого зачислят в гении, корифеи. Но только пока ты здесь, в России! А приехал - и никому не нужен.

В. К. А кем вас провозглашали?

И. С. Известным русским художником! А когда отказался от антисоветчины, тут же провозгласили "мазилой". Так что эти оценки ничего не стоят. Они зависят от того, насколько ты полезен в идеологической борьбе против СССР.

В. К. А не могли бы для пользы дела рассказать о том, что предшествовало вашему выезду?

И. С. Западу нужно, чтобы происходили столкновения: что здесь сне дают, не пускают, хватают". Я лично считал, что просто выставки "левых" художников - этого мало. Надо шире - надо организовать всех художников в СССР, собрать всю "неофициальную интеллигенцию" на всех уровнях - писательском, поэтическом, чтобы бороться за свободу творчества. Я ездил в Москву, меня оттуда сами

художники выдворяли за излишний экстремизм. Но кто-то и поддерживал. Была такая интенсивная борьба с ветряными мельницами, как я потом понял. Но тогда мне казалось, что это судьба - нахожусь в центре событий.

В. К. А кто бы в ту пору мог вас переубедить?

И. С. Никто. Для меня не было авторитетов. Я не читал тогда никаких произведений советской литературы, не смотрел никаких советских фильмов. Я вырыл ров вокруг себя.

В. К. И выход, вероятно, в ту пору был один - отпустить вас на Запад - идите и ищите истину...

И. С. Да. Именно так и поступили. Мне один умный человек тогда сказал: "Запад тебе не подарок, а наказание. Неужели не понимаешь?" И он оказался прав.

Конечно, я в Америку ехал не просто за благополучной жизнью. Мне казалось, что я должен внести в политическую, культурную деятельность свое творчество. Я первое время сидел и работал, не вылезал из комнаты. Затем, когда появился какой-то объем живописи, я пошел в галерею. Обходишь одну галерею, другую, и тот же ответ. "Ну, что? У вас прекрасно, нравится. Но у меня другой профиль. Вот идите к Нахамкину..."

В. К. Нахамкин - это кто?

И. С. Это эмигрант, выехавший из СССР, который стал торговать живописью. Сначала в небольшом объеме, а потом все больше и больше. Практически стал монополистом торговли живописью художников, выехавших из Советского Союза.

Но с Нахамкиным получилось так. Сначала он говорит: "Да, мы будем работать вместе". Но он почувствовал, что я - человек не его среды.

В. К. По каким признакам он мог это понять? И что значит стать "своим" для Нахамкина и его среды?

И. С. Надо участвовать во всех диссидентских и политических акциях. И главное, что там тенденции и дух сионистский. Мне это далеко чуждо по своей национальной природе и по идейным убеждениям. Поэтому я от них отошел. А одному пробиваться очень тяжело. Обязательно должен быть, как там говорят, "спонсор" - то есть галерейщик, который тебя предлагает, рекламирует. У него связи. У него реклама. А один ты можешь любую живопись, хоть самую шикарную, выставить на улице, но продашь ее не дороже того, что затратил на холст и краски, потому что всем сразу будет понятно, что ты какой-то полубродяга, который, может, и пишет хорошо, но вещь не апробирована. Короче говоря, так мои работы никто и не увидел...

В итоге я зарабатываю на жизнь ремонтом квартир. Помимо художественного творчества, много сил уходило на политическую деятельность. Я стал искать русскоязычные политические организации, которые имели бы какую-то политическую силу. Я пошел на собрание НТС и увидел там какое-то полное убожество - жилконтора, наверное, имеет более солидных людей и более солидные вещи обсуждает... Выступал тогда один из руководителей НТС, приехавший из Европы. Я только один вопрос задал: "На какие средства вы существуете?" Потому что я быстро увидел, что никакой общественной поддержки НТС не имеет... Все захихикали: мол, это провокационный вопрос.

В. К. Но что НТС - антисоветская организация - это вы прекрасно знали?

И. С. Да. Но откуда средства? Кто платит, тот и музыку заказывает. Естественно, было понятно, почему хихиканье.

В. К. Что же заставило вас пойти в антисоветскую организацию? Вы собирались сражаться с Советской Россией и за границей?

И. С. Я выехал с мыслью, что нет больше зла для русского народа, чем советская власть, если предельно откровенно сказать. Пришлось убедиться, что этот путь является национальным предательством. Если встанешь на этот путь, то это будет работа на уничтожение собственной Родины, на уничтожение самого себя...

В. К. Но обращение в НТС - это был, наверное, первый шаг. Вы пытались найти другие организации, которые борются с советской властью?

И. С. Да. Мне показалось, что существуют другие организации - более серьезные и солидные. В частности, те, что принимают участие в "Неделе порабожденных наций". В основном это украинские организации националистического толка. Ну, к ним примыкают и другие.

В. К. Получается так: когда вы боролись с советской властью, находясь здесь, вы боролись за правду. Когда вы боролись с советской властью в первый период пребывания в США, вы тоже были борцом за правду?

И. С. Да! Да!

В. К. Сейчас вы пересмотрели взгляды. Получается - опять "борец за правду"...?

И. С. Человек всегда думает, что он "борец за правду".

В. К. А ведь смотрите, что получается, - какой печальный итог того, что вы трижды были "борцом за правду": практически сейчас, если судить по гражданству, вы - гражданин НИКТО... Вы не гражданин США и не гражданин СССР. И гражданином какой страны будете, вы сейчас не можете сказать.

И. С. Не могу... Я гражданин никакой страны. Гражданин без гражданства!

В. К. А вы не могли бы рассказать об образе жизни ваших детей? Игорю, кажется, 6 лет было, когда вы выехали из СССР?

И. С. Да...

В. К. А дочери?

И. С. 5 лет... К сожалению, у наших детей отнято детство. Знаете, вот то детство, которым обладает каждый...

В. К. А если бы сейчас появилась возможность вернуться на Родину, у вас, вероятно, возникли бы определенные притязания..?

И. С. Какие?

В. К. Вам нужна квартира, а люди порой ждут ее по 10 - 15 лет...

И. С. У меня не хватило бы наглости просить квартиру...

В. К. Вы художник, вам захочется работать в худфонде...

И. С. Меня не пугает и физический труд. Я посмотрел - здесь можно заработать. Я вижу - люди сыты, одеты, учатся - чего же еще..?

В. К. Вероятно, когда ехали сюда, думали вздохнуть на Родине и станет полегче... А будет ли полегче после пребывания здесь?

И. С. Этого я не знаю. Может, наоборот, станет тяжелее. Но, в любом случае, душа оживет. Может, она и будет слезами обливаться, но зачерствелость-то ее станет поменьше. Так неужели лучше не приезжать?